ОПАСНЫЕ ОМУТЫ

ПРОЗА ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА

ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:

К ЮГУ

ОТ ВИРДЖИНИИ

МЕДОВЫЙ РАЙ

ЛАУРЕАТ «РУССКОЙ ПРЕМИИ»

ВАЛЕРИЙ

БОЧКОВ

МЕДОВЫЙ РАЙ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Оформление серии
Петра Петрова

Издательство выражает благодарность
Ирине Горюновой
за помощь в приобретении прав на книгу
и использование фото автора на переплете.

Бочков, Валерий Борисович.
Б86 Медовый рай / Валерий Бочков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 288 с. — (Опасные омуты).

ISBN 978-5-699-82731-2

Забудьте все, что вы знали о рае. Сюда попасть не так уж сложно, а выйти — практически нельзя. «Медовый рай» — женская исправительная колония, в которой приговоренная к пожизненному заключению восемнадцатилетняя Софья Белкина находит своих ангелов и своих... бесов. Ее ожидает встреча с рыжей Гертрудой, электрическим стулом, от которого ее отделяют ровно 27 шагов. Всего 27 шагов, чтобы убежать из рая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82731-2

© Бочков В., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Хроника женской тюрьмы в Аризоне
и история заключенной этой тюрьмы
восемнадцатилетней Сони Белкиной
по прозвищу Белка.

1

Белку удивили две вещи — название и цвет.

Официально тюрьма именовалась длинно: «Женское исправительное учреждение имени Джулии Расмуссен». Железные буквы были приварены к стальной арке над воротами, по верху стены тянулась колючая проволока. Стена заканчивалась пузатой сторожевой башней, там, под дощатым навесом, скучал охранник в соломенной шляпе. Снаружи тюрьма напоминала крепость.

— Кто эта Джулия? — спросила Белка сержанта.

— Там расскажут, — не поворачиваясь, ответил тот. — А может, и покажут.

Он толкнул водителя локтем, и они оба заржали.

Ворота лениво раскрылись, и фургон неспешно вкатился под арку и остановился посередине тюремного двора. Сержант клацнул замком, распахнул дверь фургона. Белка вылезла, сделала два шага, осторожно ставя ноги, словно шла по льду. Сержант ловко снял с нее наручники.

— Принимайте красавицу! — весело крикнул он двум охранникам, лениво курившим у ржавой бочки, вкопанной рядом с дощатым помостом, похожим на эшафот. — А то увезу обратно.

...И цвет. Цвет неба. Здесь, в пустыне, оно было пронзительно-синим, ядовито-ярким, как раствор медного купороса. Без единого облачка. Белка привстала на цыпочки, не отрывая взгляда от узкого окошка под самым потолком. Она загадала, что если увидит птицу, то у нее все будет хорошо.

— Малахольная, что ли? — Коренастая баба в униформе пихнула ее. — Глория, присмотри за новенькой!

Грохнула дверь, лязгнул замок.

— Малахольная... — эхом повторила Белка.

Три недели назад, еще до суда, она пыталась отравиться. Таблетками для сна, голубыми, как здешнее небо. Ее откачали. Наверное, таблеток оказалось мало, она не считала, высыпала все из банки в ладонь и проглотила. Дюжины две таблеток, не больше. С тех пор у нее появилось странное ощущение, что все, происходящее с ней, ненастоящее, что-то вроде галлюцинации. Доктор сказал — последствия шока.

Белка, стесняясь наготы, боком присела, положила тюремную робу на кафель. Глория, плечистая негритянка, бритая под ноль, быстро разделась, кинула свои тряпки в угол.

— Ну ты тоща, мать! — Глория засмеялась, повернула кран. Подставила лицо под струи душа. Улыбаясь, зажмурилась.

В душевой было восемь кабин, по четыре в ряд, друг напротив друга. Дверей не было. Мыла тоже. Белка осторожно повернула кран, вытянула бледную ладонь, вода оказалась чуть теплой. Закрыв глаза, она шагнула под душ.

— У тебя, случаем, не СПИД? — фыркая, спросила Глория. — Тощая, говорю... У нас

тут была одна... Со СПИДом. Страшное дело, я тебе скажу!

Она набрала в рот воды и выпустила тонкую струю в потолок. Глория, мускулистая и ладная, цветом похожая на спелый баклажан, была на голову выше Белки. Она весело терла ладонями плоский живот и сильные ляжки. Звонко шлепнула по поджарым ягодицам. Засмеялась. Потом что-то негромко запела низким голосом. Белка тайком наблюдала за ней, она заметила, что ладони и пятки у Глории совсем светлые. Как у нее, у Белки.

— Тебя в мою камеру определили, — сказала Глория. — Я там старшая. Для тебя я бог. Каждое мое слово — закон. Сечешь?

Белка кивнула, Глория запела снова.

— А за что вы сидите? — спросила Белка. Она спросила первое, что пришло в голову. Да и какая разница, если все это тебе видится.

— Сидят на елде, — грубо ответила Глория. — А тут срок отбывают.

— Извините, я не...

— И не извиняйся! — перебила Глория. — Никогда! Если не хочешь...

Замок загремел, дверь распахнулась.

Глория, сверкнув белками, сделала страшное лицо, шепотом приказала Белке: «Молчи!»

В душевую вошел охранник.

— А вот и мыло! — Глория бесстыже уперла руки в бока, выставила лобок. — Наконец!

— Заткнись. — Охранник, в черной форме, мешковатой, будто на размер больше, даже не посмотрел на Глорию. — Новенькая, говорят, у нас.

Белка, сутулясь, повернулась боком, прикрыла локтем грудь. У нее мелко затряслась нижняя губа, она мельком взглянула в лицо охраннику и тут же уставилась в кафель стены. Старые плитки, пожелтевшие от времени, были в мелких трещинах, словно в паутине.

— Как звать? — спросил охранник тихо, почти ласково.

— Соня Белкина, верней, Софья. Белкина, — не поворачиваясь, ответила она.

— Евреечка, да?

— Русская...

— Ух, как интересно. Русская. Не было у нас тут русских. Ну-ка, повернись сюда.

Белка, прижимая локтем грудь, неловко повернулась.

— Руки убрать, — сказал охранник.

Белка беспомощно опустила руки. В душевой воняло плесенью и тухлой водой, как в сыром подвале. Охранник хмыкнул, разглядывая ее грудь, сделал шаг назад, Белка ладонью прикрыла низ живота.

— Руки... — тихо повторил охранник.

Белке показалось, что вода стала ледяной. Пальцы дрожали, она крепко сжала кулаки. Лицо охранника, гладкое, по-детски розовое, словно он еще не начал бриться, выражало скуку. Так из вежливости разглядывают в гостях семейные альбомы. Белка заметила, что у него нет бровей.

Охранник поднял руку и дотронулся указательным пальцем до ее соска — будто аккуратно позвонил в дверь. Белка дернулась, ударилась затылком в стену.

— Тихо-тихо... — проговорил он, ухмыляясь.

Его гладкое, безбровое лицо приблизилось, белесые глаза с черными дробинками зрачков уставились прямо в глаза Белки.

«Господи помилуй, да ведь он просто псих, — подумала Белка, прижимаясь спиной

к ледяному кафелю. — И глаза, глаза точно как у того...»

Охранник на ощупь нашел кран, закрыл воду.

— А я тебе мыльце принес... — Он сунул руку в карман штанов. — Сейчас мы тебя купать будем... Держи мыльце. Земляничное.

Белка почувствовала, что он что-то сует ей в руку. Ее пальцы онемели, она с трудом разжала кулак.

— Ну ты чухан! — неожиданно громко воскликнула Глория. — Мыло земляничное! Что она тебе — ранетка! Не видишь, что сявка коцаная! СПИД у нее!

Охранник оглянулся.

— Что ты гонишь, белоснежка, — сказал он. — Я ж бумаги ее глядел, чистая она.

— Чистая? — засмеялась Глория. — Валяй тогда. Вперед!

Белка почувствовала, как ее колени стали мягкими, словно они были слеплены из теплого парафина. Она медленно поползла вниз по мокрой стене. Узкое окошко поехало вверх, там в бирюзе что-то мелькнуло. Птица — с облегчением подумала Белка и потеряла сознание.

2

Ночь, фиолетово-плюшевая, опустилась мягко, оставив над рекой рыжую полосу закатной подкладки. На прибрежном песке, полого уходившем в тусклую черноту реки, ждали лошади. Они пятились от воды, фыркая и переступая стройными ногами. Оранжевые блики мерцали на мускулистых боках. Человек в капюшоне (Белка лица не видела, она знала, что туда смотреть нельзя) молча ухватил поводья, лошади покорно побрели к воде. Человек забрался в лодку, отчалил.

Лошади вошли в воду, беззвучно поплыли за лодкой. Вытянутая рука держала поводья, лодка лениво скользила, из тягучей, как смола, воды торчали головы лошадей. Закат почти умер, рыжие отсветы едва вспыхивали в черных, словно спелые вишни, конских глазах.

Другой берег был покруче, но лошади, мокрые и блестящие, будто отлитые из черной стали, легко забрались наверх. Белка вместе с ними. Она с удивлением подумала, что быть ло-

шадью, оказывается, совсем не так плохо. Лошади застыли, повернули большие головы на восток. Там, вдали, у самого горизонта, словно догорающий костер, мерцали огни ночной ярмарки с качелями и каруселями, с островерхими шатрами в гирляндах и китайских фонариках. В центре высилось гигантское чертово колесо, оно медленно вращалось, на спицах пульсировали рубиновые лампы. Белка очнулась от собственного крика.

Резко воняло нашатырным спиртом. В потолок была вделана лампа в ржавой сетке, похожей на клетку для мелкой птицы. Вроде колибри, подумала Белка и слабой рукой заслонила глаза от резкого света. Она прищурилась, предметы перестали растекаться и наползать друг на друга, тени заняли более или менее подходящие им места. Нависшая каланча вошла в фокус и превратилась в Глорию.

— Очухалась, — облегченно выдохнула она.

От нее пахло ментоловыми сигаретами и еще чем-то пряным вроде мускатного ореха.

— Что... это было, — едва слышно сказала Белка, у нее не хватило сил на вопросительную интонацию. — Который без бровей...